

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.55>

Хилханова Эржен Владимировна, Хилханов Доржи Львович

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ДВУЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ: ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Статья посвящена малоизученной теме дискурсивных маркеров (ДМ) в двуязычной речи, их типологизации и закономерностям функционирования на примере бурятско-русского двуязычного дискурса. После краткого рассмотрения существующих классификаций дается авторская функционально-семантическая классификация ДМ. Делается вывод о том, что в двуязычном дискурсе в ситуации языкового контакта существует тенденция к частотному использованию ДМ из мажоритарного (русского) языка. При этом ДМ используются для выражения метатекстовых связей и передачи субъективной, дейктической информации, в то время как пропозициональная информация выражается на миноритарном языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 256-260. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. **Baklanova E. A.** On contact-induced changes in modern Tagalog: A case study // Межцивилизационные контакты в странах Юго-Восточной Азии: исторические перспективы и глобализация: сб. статей. СПб.: Нестор-История, 2017. P. 329-358.
8. **Cruz I. R.** Ano ang pagkaiba ng Filipino sa Tagalog // Cruz I. R. Bukod na bukod: Mga piling sanaysay. Diliman, Quezon City (Philippines): U of the Philippines, 2003. P. 71-83.
9. **Dokumentasyon ng mga Batas Pangwika, Komisyon sa Wikang Filipino at Iba pang Kaugnay na Batas (1935-2000) /** Inihanda at Ipinalimbag ng Komisyon sa Wikang Filipino. Maynila: Printon Press, 2001. 963 p.
10. **Gabayan G. J.** Prosodic Interference Affecting English Communication among Cebuano-Visayan Speakers in Southern Cebu [Электронный ресурс] // Next Generation Studies. 2017. № 1. P. 61-73. URL: <http://service-innovating.jp/upload/90e00491b6c40091b545ebdd1bd0a6fe.pdf> (дата обращения: 17.01.2019).
11. <https://countrymeters.info/ru/Philippines> (дата обращения: 04.02.2019).
12. <https://www.ethnologue.com/country/PH> (дата обращения: 19.01.2019).
13. https://www.untweb.com/featured_content/filipino-words-adapted-to-english-language/ (дата обращения: 17.11.2018).
14. **Klimenko S. B., Stanyukovich M. V.** Yattuka and Tuwali Ifugao Hudhud: Yattuka, Keley-I, and Tuwali Ifugao Interference // Acta Linguistica Petropolitana. 2018. Vol. 14. № 20. P. 585-636.
15. **Ocampo N. S.** Suroy-Suroy sa Palawan: Varayti ng Filipino sa Isang Multi-Etnikong Probinsiya // Minanga. Mga Babasahin sa Varayti at Varyasyon ng Filipino. Quezon City: UP-SWF, 2002. P. 66-78.
16. **Paz V. P.** Tungo sa estandardisasyon ng Filipino: Kaso ng paggamit sa 2001 Revisyon sa Alfabeto at Patnubay sa Ispeling ng Wikang Filipino ng Komisyon sa Wikang Filipino // Daluyan. 2004. Tomo XII. Bilang 2. P. 7-25.
17. **Resuma V.** Pang-akademyang Register ng Filipino: Kaso ng U.P. Integrated School // Minanga. Mga Babasahin sa Varayti at Varyasyon ng Filipino. Quezon City: UP-SWF, 2002. P. 197-203.
18. **Reyes-Otero M.** Varayti ng Filipino na Gamit sa Pagbabalita ng mga Radio Broadcaster // Minanga. Mga Babasahin sa Varayti at Varyasyon ng Filipino. Quezon City: UP-SWF, 2002. P. 154-161.
19. **Semorlan T.** Chavakano Filipino: Varayti ng Filipino sa Siyudad ng Zamboanga // Minanga. Mga Babasahin sa Varayti at Varyasyon ng Filipino. Quezon City: UP-SWF, 2002. P. 84-87.
20. **Wolff J. U.** History of the dialect of the Camotes Islands, Philippines, and the spread of Cebuano Bisayan // Oceanic Linguistics. 1967. Vol. VI. № 2. P. 63-79.

LINGUISTIC INTERFERENCE IN THE PHILIPPINES

Frolova Elena Gennad'evna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
fegt@inbox.ru

The article is devoted to the problem of the interference of the autochthonous and imported languages functioning in the Philippines. The author considers the following issues: how and at what language levels the interference occurs, what languages influence other idioms most significantly and what the results of this influence are. Special attention is paid to the role of the regional lingua franca and the Filipino idiom, the national language of the Republic of the Philippines. Due to its multi-functionality, Filipino maintains close contacts with other autochthonous and imported languages; as a result, different ethnolects are formed.

Key words and phrases: Filipino; linguistic interference; autochthonous and imported languages; language situation; lexical borrowings.

УДК 81'27

Дата поступления рукописи: 05.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.55>

Статья посвящена малоизученной теме дискурсивных маркеров (ДМ) в двуязычной речи, их типологизации и закономерностям функционирования на примере бурятско-русского двуязычного дискурса. После краткого рассмотрения существующих классификаций дается авторская функционально-семантическая классификация ДМ. Делается вывод о том, что в двуязычном дискурсе в ситуации языкового контакта существует тенденция к частотному использованию ДМ из мажоритарного (русского) языка. При этом ДМ используются для выражения метатекстовых связей и передачи субъективной, дейктической информации, в то время как пропозициональная информация выражается на миноритарном языке.

Ключевые слова и фразы: дискурсивные маркеры; функционально-семантическая классификация; бурятско-русский двуязычный дискурс; переключение кодов; языковой сдвиг.

Хилханова Эржен Владимировна, д. филол. н., доцент
Хилханов Доржи Львович, д. соц. н., доцент
Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ
erzhen133@mail.ru; dorjikh@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ДВУЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ: ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Дискурсивным маркерам (дискурсивным словам) уделяется достаточно внимания в современной лингвистике [1-3; 5; 6]. Все эти исследования, однако, рассматривают их на материале одного языка. Между тем

функционирование дискурсивных маркеров (далее – ДМ) в двуязычной речи – очень интересное явление, практически не изученное ни с типологической, ни с функциональной точки зрения. Этим обусловлена **научная новизна** данной статьи, которая построена на материале аудиозаписей двуязычной речи бурят-билингвов, сделанных авторами в 2007 г. Анализ аудиозаписей показал, что существует ряд языковых единиц, которые говорящие достаточно стабильно предпочитали выражать на русском языке, т.е. при их появлении в речи происходило регулярное переключение кода с бурятского языка на русский. Это единицы, в которых так или иначе была выражена информация, являвшаяся дополнительной к основной, пропозициональной информации. Общей характеристикой данных единиц являлись факультативность и слабая ассоциированность с предикативной структурой – то, чем обычно и характеризуется такой класс лексических единиц, как дискурсивные маркеры.

Целью настоящей статьи являются теоретический и практический анализ и классификация ДМ на материале двуязычной речи бурят-билингвов. Для этого необходимо осуществить: 1) типологизацию выявленных ДМ с функционально-семантической точки зрения с учетом имеющихся подходов к классификации ДМ; 2) объяснить того, почему, когда говорящему нужно как-то маркировать, выразить свое отношение к высказанной им пропозициональной информации (на бурятском или другом миноритарном языке, например селькупском), он/она переключается на русский язык. **Актуальности** темы данной статьи способствует непреходящий интерес к дискурсу и дискурсивным явлениям в языке и появившийся в последнее время интерес к «мелким», но функционально и семантически «нагруженным» словам, выполняющим целый ряд важных для коммуникации задач. Актуальность обусловлена и необходимостью дальнейшего изучения механизма языкового контактирования, в частности явлений переключения кодов.

Систематизация ДМ вообще и в нашем корпусе в частности представляет собой сложную задачу ввиду расхождений мнений ученых относительно того, что понимать под ДМ, поскольку функции ДМ могут выполнять единицы разной частеречной принадлежности и синтаксического статуса: союзы, модальные частицы, отдельные лексемы, словосочетания, клаузы (минимальные просодические единицы) и т.д. Задача осложняется и тем, что разные исследователи используют разные основания для классификации. Так, Д. Шиффрин считает основной функцией ДМ обеспечение текстовой когезии на разных уровнях речи. Соответственно, в основу ее классификации положен тип логического соотношения соединяемых клауз. Поэтому основанием для квалификации языковой единицы в качестве ДМ, по ее мнению, являются: 1) синтаксическая отделенность от предложения; 2) использование в инициальной позиции; 3) наличие самостоятельного просодического контура; 4) способность функционировать на разных уровнях дискурса. В качестве ДМ ею было проанализировано одиннадцать единиц: *and, because, but, now, I mean, well, so, oh, or, then, you know* [10].

Большой вклад в теорию ДМ внесли У. Чейф и Б. Фрейзер. У. Чейф в своей работе “Discourse, Consciousness, and Time” выделяет так называемые интонационные единства (‘intonation units’) дискурса [8, p. 15]. Эти интонационные единства (ИЕ) могут быть самостоятельными, регулятивными и фрагментарными. Именно регулятивные ИЕ, выполняя по меньшей мере следующие функции: 1) текстуальную (напр., *and then, well*), 2) интеракционную (напр., *mhm, you know*), 3) когнитивную (напр., *let me see, oh*) и 4) валидационную (напр., *maybe, I think*), – являются по сути дискурсивными маркерами [Ibidem, p. 64].

У Б. Фрейзера ДМ названы прагматическими маркерами потому, что он противопоставляет пропозицию (семантику) и «все остальное» (прагматику). М. Фрейзер выделяет: 1) базовые маркеры, которые указывают на характер «базового сообщения» (тип речевого акта и т.д.); 2) маркеры-комментарии, комментирующие «базовое сообщение»; 3) параллельные маркеры, дополняющие «базовое сообщение»; 4) дискурсивные маркеры, указывающие, как «базовое сообщение» связано с контекстом [9].

В нашей работе в качестве типологизирующего принципа классификации русскоязычных ДМ в речи бурят-билингвов принят функционально-семантический признак. Как показал корпус, частеречная принадлежность не играет решающей роли для функционирования различных языковых единиц в качестве ДМ. Это могут быть и наречия, и союзы, и междометия, и частицы, и разного рода устойчивые выражения (фразеологизмы, крылатые слова и т.п.). Задача объяснения причин перехода на русский язык при необходимости выразить свое отношение к пропозициональной информации, выраженной на бурятском языке, является главенствующей и, на наш взгляд, более актуальной, чем построение типологии, тем более что жесткая классификация в отношении ДМ просто невозможна из-за их полифункциональности и полисемантической. Заметим также, что наш корпус состоит из диалогов и полилогов, а не из монологических рассказов, и это, безусловно, влияет на характер функционирования в нем ДМ. Также следует указать, что нас не интересовали детали интеграции ДМ в просодическую структуру двуязычного дискурса. В соответствии с целями исследования акцент сделан на содержательной стороне дискурса, что и отразилось в характере дискурсивной транскрипции, которая носит упрощенный характер (например, в ней нет фиксации продолжительности элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ)).

Итак, зафиксированные в корпусе диалогических текстов ДМ, при которых происходит переключение кода (далее – ПК) с бурятского языка на русский, с функционально-семантической точки зрения могут быть разделены на одиннадцать групп: I) аксиологические (оценочные); II) эпистемические; III) эмфатические и характеризующие (образа действия); IV) объяснительные; V) усиления, повтора; VI) контраста, альтернативы; VII) детализирующие и уточняющие; VIII) маркеры обобщения; IX) маркеры допущения и уступки; X) указательные маркеры; XI) интерактивные маркеры.

В данной статье каждая группа иллюстрирована 1-2 примерами, хотя, как уже было отмечено, использование русскоязычных ДМ в бурятском дискурсе носит массовый характер. ДМ выделены жирным шрифтом,

текст на бурятском языке выделен курсивом, переводы указываются в «марровских» кавычках, текст на русском языке – без курсива. Нумерация примеров носит сквозной характер.

I. Аксиологические (оценочные)¹: хорошо, ловко/неловко, интересно/неинтересно, бесполезно, ничего (ничё), лучше/хуже, неудобно, все равно и т.п.

(1) *Гансал гэртэ хуужа байхадаши неинтересно же. Газаа гарыш.*

‘Если ты только сидишь дома – неинтересно же. Выйди на улицу’.

(2) Ну как, *поликлиникада хүдэлхэдэ – ничё гү?*

‘Ну как, работать в поликлинике – ничего?’

II. Эпистемические: (я) не знаю, мне кажется, по-моему, по-твоему, на самом деле, конечно, точно, значит, правда, может (быть), видимо, однако, наверно, что ли и т.п.

(3) *Саша бидэ хоёр... на самом деле... амараш хаа дуратэльдида.*

‘Мы с Сашей... на самом деле... не отказались бы и отдохнуть’.

III. Эмфатические и характеризующие (образа действия): неужели, особенно, достаточно, вообще, специально, мимо, опять, чуть-чуть, всего лишь и т.п.

(4) *Ямаар гоёор хэлэжэ шададаг гэшэб даа, просто невозможно!*

‘Как хорошо умеет говорить, просто невозможно!’

(5) *Специально хуу буруу хэлэб.*

‘Специально сказал всё неправильно’.

IV. Объяснительные: потому что, поэтому и т.п.

(6) *Потому что ошоожо байга угыһаши хуу хулуунабда.*

‘Потому что если ты не будешь ездить – всё же украдут’.

V. Усиления, повтора: тем более, еще, (и) к тому же, даже, опять.

(7) *Нэгэ юума арай гэжэ бэшээд байхадаши, нэгэ хэды һара болод опять бэшэхэ хэрэгтэй.*

‘Что-то еле-еле написал, спустя несколько месяцев опять надо писать’.

VI. Контраста, альтернативы: но, зато, или, а то, однако, хотя, наоборот, между прочим и т.п.

(8) *Бэшыш даа, а то мартагдаха.*

‘Запиши-ка, а то забудется’.

(9) *Наоборот, өөрингөө гараар хэгдэһэн хада, ондоо.*

‘Наоборот, поскольку сделано своими руками, [оно] другое’.

VII. Детализирующие и уточняющие маркеры: также, тоже, кстати говоря, что-то, главное, и, а, в смысле, как раз, иметь в виду и т.п.

(10) *Самое главное – дахин бусабди.*

‘Самое главное – опять вернулись’.

(11) *Тэрэш тоже бэрхэ хубуун.*

‘Он тоже парень умелый’.

VIII. Маркеры обобщения: в общем, вообще, короче, так, так вот, одним словом и т.п.

(12) *Но одним словом, юуш хэһа – бесполезно.*

‘Но одним словом, что ни делай – бесполезно’.

IX. Маркеры допущения и уступки: (ну) ладно, хоть / хотя бы, так-то и т.п.

(13) *Но тиигэд так-то тиимэл ааб даа зон соо ябахата.*

‘Ну вот так-то так же оно – жить среди людей’.

X. Указательные маркеры: вон (же).

(14) *Ну вон же, тээ тэндэ байна бэшэгу.*

‘Ну вон же, вон там стоит же’.

XI. Интерактивные маркеры, сигнализирующие об обратной связи и направленные на установление и поддержку коммуникации: (и) не говори, аһа/уһу, представляешь, слушай, видишь (вишь), ну, а что (а чё), ну что, ну как и т.п.

(15) *Гэртэ ерэхэдэмнай – представляешь – хуу үүдэн манай тайлдатай.*

‘Приходим домой – представляешь – все двери наши открыты’.

(16) *Ну как, ахайда ошоногиш?*

‘Ну как, едешь к брату?’

Отдельного упоминания заслуживает такой дискурсивный маркер, как «но», омонимичный отрицательному союзу «но» в русском языке. «Но» является полифункциональным и полисемантическим регионализмом, возникшим, возможно, на основе трансформации просторечной частицы русского языка «ну» в значении «да»

¹ Оценочные прилагательные и наречия могут использоваться в функции ДМ во всех степенях сравнения.

и сохранившим в себе обе эти семантики. Основные значения «но» – ‘да’ и ‘ну’, однако «но» может в зависимости от ситуации иметь и другие, окказиональные значения, вплоть до отрицательных, например:

- 1) *Танганов ябажа байдаг алда. – Но* (= ‘да’).
‘Танганов приезжает порой. – Да’.
- 2) *Но* молодцы – *гурбадахи ухибуу гаргаад* (= ‘ну’).
‘Ну молодцы – третьего ребенка родили’.
- 3) *Тишиэ ошоё. – Но!* (= экспрессивное ‘нет’ с отрицательной интонацией).
‘Пошли туда. – Нет!’

Разница между противопоставительным союзом «но» и ДМ «но» хорошо видна на следующем примере:

- А: А вы с Аюной общались, ага, в Улан-Удэ? *Уулзадаг гут?*
‘А вы с Аюной общались, ага, в Улан-Удэ? Встречаетесь?’
Б: *Но, уулзадаг. Но* не то чтобы часто, *но уулзадаг, гэртэмнай ерэхэн.*
‘Да, встречаемся. Но не то чтобы часто, но [она] приходила к нам домой’.

В первой ответной реплике коммуниканта Б «но» выражает подтверждение, второе «но» эквивалентно частице «ну», и последнее «но» выражает противопоставление.

Таким образом, дискурсивные маркеры выполняют как модальную, так и дейктическую и метаязыковую функции, т.е. служат для структурирования дискурса. ДМ возникают в речи билингвов неосознанно, спонтанно, и, как мы видели на примерах, они вносят вклад в регулирование тем или управление слушателем, служат триггерами при ПК или для того, чтобы говорящий убедился во внимании слушателя или в разделении им фонового знания. Как уже говорилось, четкое разграничение отдельных функциональных значений ДМ трудно провести ввиду полифункциональности и полисемантической ДМ [7].

Далее нам хотелось бы остановиться на одной из немногих работ, затрагивающих проблему ДМ в двуязычной речи. ДМ упоминаются в статье О. А. Казакевич, которая, анализируя смешение и переключение кодов в речи северных селькупов, говорит о том, что чем эмоциональнее текст, тем чаще появляются в нем русскоязычные фрагменты. Причиной переключения кодов автор называет большую «понятность» русского языка и владение всеми селькупами русским языком, в то время как селькупский постепенно переходит в разряд «экзотики», вследствие чего русские фрагменты в селькупском тексте появляются в результате как сознательного переключения кодов, так и бессознательного смешения кодов для того, чтобы сделать рассказ более понятным для большинства слушателей. Среди русских фрагментов, инкорпорированных в селькупский текст, О. А. Казакевич называет «идиоматические выражение и устойчивые словосочетания, короткие высокочастотные слова (наречия, прилагательные, реже глаголы), числительные, служебные слова» [4, с. 19].

Как мы видим, хотя термин «ДМ» не употребляется, в большинстве случаев именно о них и идет речь. Поскольку разговорная речь предполагает невольное, «паразитическое» употребление дискурсивной лексики [2, с. 73], изобилие русскоязычных ДМ в разговорной речи как на бурятском, так и на селькупском языке свидетельствует об автоматизме выбора тех языковых единиц, которые более активны в когнитивной базе говорящего ввиду более частого употребления, и таковыми являются единицы русского языка. То, что и в селькупско-русском, и в бурятско-русском двуязычном дискурсе были обнаружены одинаковые закономерности – разнообразие класса ДМ, более высокая языковая компетенция в русском языке и стремление выразить эмоциональное отношение к сказанному именно на этом языке, – свидетельствует о том, что эти тенденции симпатичны и, по-видимому, характерны для национально-русского двуязычия и, может, в целом для контактов между миноритарным и мажоритарным языками.

Соответственно, проведенный в статье анализ теоретического и практического материала позволяет сделать **вывод** о том, что частотные вкрапления ДМ из русского языка представляют собой лингвистическое следствие и одновременно механизм языкового сдвига. Приведенные примеры, на наш взгляд, свидетельствуют о наличии в языковом сознании билингвов чрезвычайно интересного феномена, связанного с глобальным противопоставлением субъективного и объективного в языке. Это закономерность, которую можно сформулировать в следующих терминах: в двуязычной речи категория субъективности тяготеет к выражению на русском языке, а на родном языке обычно выражается «объективная», пропозициональная информация. Переключению кодов способствует, во-первых, краткость, во-вторых, частотность ДМ. Выражение факультативных значений на русском языке заслуживает особого интереса ввиду того, что окружающая человека и познаваемая им действительность (объект) не дана субъекту пассивно, а активно воссоздается им в системе знаний и в системе языка. Следовательно, переход на русский язык при необходимости выражения дополнительной информации представляет собой одно из первых звеньев в механизме языкового сдвига, переход к осмыслению, оценке, комментированию действительности на русском языке.

Список источников

1. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнёры, 1993. 205 с.
2. Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Диалог 2000 по компьютерной лингвистике: труды международного семинара: в 2-х т. М.: Протвино, 2000. Т. 1. С. 67-73.
3. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселева, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.

4. Казакевич О. А. Смещение и переключение кодов в речи северных селькупов // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: URSS, 2000. С. 14-21.
5. Кибрик А. А., Подлесская В. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2009. С. 390-395.
6. Мурашкова Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2014. № 5. С. 53-59.
7. Хилханова Э. В. Некоторые лингвистические следствия и механизмы переключения кодов в речи бурят-билингвов // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 6 (51). С. 114-121.
8. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 392 p.
9. Fraser B. Pragmatic markers // Pragmatics. 1996. Vol. 6. № 2. P. 167-190.
10. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 364 p.

**DISCURSIVE MARKERS IN BILINGUAL SPEECH:
PROBLEMS OF TYPOLOGY AND PRINCIPLES OF FUNCTIONING**

Khilkhanova Erzhen Vladimirovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Khilkhanov Dorzhi L'vovich, Doctor in Sociology, Associate Professor
East-Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude
erzhen133@mail.ru; dorjikh@mail.ru

The article examines the poorly studied problem of discursive markers in bilingual speech, considers their typologization and principles of functioning by the example of the Buryat-Russian bilingual discourse. The paper provides a brief survey of the existing classifications and suggests the authors' original functional-semantic classification of discursive markers. The authors conclude that in bilingual discourse, in the situation of language contact, there appears a tendency for the frequent use of discursive markers from the majority language (Russian). It turns out that discursive markers are used to express meta-textual relations and to transfer subjective, deictic information, whereas propositional information is expressed in the minority language.

Key words and phrases: discursive markers; functional-semantic classification; Buryat-Russian bilingual discourse; code switching; language shift.

УДК 811.161.1'38

Дата поступления рукописи: 01.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2019.7.56>

В статье обращается внимание на использование местоимений первого лица как способ речевого вовлечения, значимый для президентского дискурса. Эффект вовлечения рассматривается как следствие употребления местоимений «я» и «мы», их косвенных форм и соответствующих синтаксических конструкций. Определяются речевые смыслы местоимений «я» и «мы» в президентском дискурсе: местоимение «я» передает значение достоверности, позволяет выразить мнение говорящего, создать положительный образ оратора; местоимение «мы» служит для выражения единства говорящего и аудитории, утверждения общности интересов и целей. В частности, отмечается, что местоимение «мы» в речи российского президента выражает пять контекстуальных смыслов, отражающих установку на вовлечение как ближнего, так и дальнего круга адресатов.

Ключевые слова и фразы: речевое воздействие; речевое вовлечение; позитивная коммуникация; президентский дискурс; личное местоимение; языковые средства.

Чжао Янь

*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва
Северо-Восточный нефтяной университет, г. Дацзин, Китай
zhaoyannajia@yandex.ru*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ ПЕРВОГО ЛИЦА В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ
КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ**

Понятие «речевое вовлечение» стало предметом изучения в российской лингвистике относительно недавно. Вместе с тем в работах российских ученых гораздо чаще используются понятия «вовлечение/вовлеченность», поскольку английские термины “involvement” и “engagement”, переводимые соответствующим образом, «с одной стороны, синонимичны, а с другой – имеют определенные сочетаемостные традиции и специализацию» [2, с. 134]. Понятие «вовлечение/вовлеченность» в науке не имеет четкого определения. В качестве речекommunikативного явления вовлечение/вовлеченность (ср. вовлеченность в коммуникацию, интеракцию) трактуется как «степень погруженности в ситуацию, разговор, взаимодействие» [Там же, с. 135], как «степень когнитивного и поведенческого участия в коммуникативном процессе» [1, с. 65], как «степень когнитивной